

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboynikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ШУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Надежды Осеевны Штейнберг-Шупак почти не известно в России. И в во Франции, где прошла большая часть ее жизни, оно известно лишь очень узкому кругу индологов¹. Между тем она была выдающимся ученым и человеком исключительного благородства и высокой красоты; жизнь связала ее с рядом выдающихся людей, внесших в историю науки, культуры и политики XX века. Восстановить, по крупицам, насколько это возможно, жизненный путь и человеческий облик этой замечательной женщины и призвана настоящая статья.

Надежда Осеевна Штейнберг родилась 28 января 1886 г. в Вильно в культурной еврейской семье. Ее отец Осей (Осия, Иошуа) Каганович Штейнберг (1836–1908) был инспектором Еврейского учительского института в Вильно, известным гебраистом, автором многих работ на древнееврейском, немецком и русском языках. В числе его наиболее известных трудов – “Полный русско-еврейско-немецкий словарь”, вышедший многими изданиями, комментированный перевод Пятикнижия на русский язык, учебники древнееврейского и арамейского языков, статьи “Органическая жизнь языка” (1871) и “К еврейскому вопросу в России” (1882)². Мать Надежды Осеевны умерла при родах и воспитала ее мачеха Роза Григорьевна, с которой она на протяжении всей жизни поддерживала теплые отношения.

Старший брат Надежды Осеевны Максимилиан Осеевич Штейнберг (1883–1946) стал впоследствии известным композитором, профессором Ленинградской консерватории³. Он был одним из ближайших учеников Н.А. Римского-Корсакова и в 1908 г. женился на его дочери Надежде Николаевне. Консерваторским товарищем М.О. Штейнберга был И.Ф. Стравинский и одно из первых сочинений Стравинского “Фейерверк” (1908) посвящено бракосочетанию М.О. Штейнберга и Н.Н. Римской-Корсаковой. Занимая в течение многих лет кафедру композиции в консерватории, Штейнберг являлся одним из вернейших хранителей корсаковских традиций и противником всякого “авангардизма”⁴. На этой почве он разошелся со

Стравинским и впоследствии имел конфликты со своим учеником Д. Шостаковичем, который, однако, всегда уважительно относился к учителю.

Для характеристики семьи небезынтересно свидетельство враношо ее знавшего одноклассника М.О. Штейнберга по вильнюсской гимназии будущего знаменитого арабиста академика И.Ю. Крачковского. Как вспоминал Крачковский, они шесть лет просидели за одной партой и подружились, попеременно занимая в классе два первых места. «Отец его был инспектором Еврейского учительского института, готовившего преподавателей для еврейских школ уже по новым методам (...) Одно время он находился в переписке с известным физиологом Сеченовым, сотрудничал в "Вестнике Европы" (...) Заметив как-то раз, когда я был у Макса, что пытаюсь читать по-еврейски, он подарил мне свой учебник и в том неоднократно шутя проверял, умею ли я разбирать Библию»⁵.

Н.О. Штейнберг окончила женскую гимназию в Вильно. Еще в гимназические годы она стала членом одного из вильнюсских социал-демократических кружков. «Вспоминаю, что летом 1903 г. она была членом возглавляемого мною кружка (это был мой первый кружок). В него входили также Варя Крестинская (сестра Н.Н. Крестинского), Этка (Эсфирь) Гродзенская (будущая жена Заславского) и другие», – писал известный меньшевик и деятель Бунда, впоследствии американский советолог С.М. Шварц⁶.

По окончании гимназии Н.О. Штейнберг поступила на Петербургские Высшие Женские Бестужевские курсы. К сожалению, нам почти ничего не известно о годах ее учения в Петербурге. Мы знаем только, что она слушала лекции по истории профессора Е.В. Тарле. Вероятно, в это время она вышла замуж за довольно видного меньшевика и деятеля Бунда Самуила Давидовича Щупака (1880–1944), выступавшего также под псевдонимом «Владимиров», который был близким другом и сотрудником Ю.О. Мартова.

В 1907 г. супруги Щупак уехали в Париж. С.С. Дубнова-Эрлих, дочь известного еврейского историка С.М. Дубнова, вспоминала: «Очень меня звали и друзья, перекочевавшие в Париж после революции (1905 г. – Б.К.) – Надя и Самуил Щупаки. Оба они накрепко связали свою жизнь с этим городом»⁸. 14 ноября 1907 г. у Щупаков родился сын Владимир (Волик).

В Париже Надежда Осеевна решила стать индологом. Она занималась в Сорбонне, Школе восточных языков и Школе высших исследований. В числе ее учителей были известнейшие французские индологи Сильвен Леви, Альфред Фуше, Луи Фино и знаменитый лингвист-индоевропеист Антуан Мейе. В 1917 г.

Щупак завершила свое образование, защитив дипломную работу по санскритской грамматике, которая в следующем году была опубликована в трудах Парижского Лингвистического общества.⁹

Н.О. Щупак продолжала придерживаться социал-демократических убеждений, хотя, по-видимому, и не принимала активного участия в политической деятельности. После Февральской революции ее муж вернулся в Россию и в августе того же года был избран членом Петроградской городской думы как представитель меньшевиков-интернационалистов. 17 августа 1917 г. А. Фуше писал своему пидологу академику С.Ф. Ольденбургу, занимавшему тогда пост министра народного просвещения во Временном правительстве: «Сильвен Леви, Мейе и я в июле этого года единодушно пригласили диплом Школы высших исследований молодой русской даме, г-же Щупак, нашей блестящей ученице на протяжении четырех лет, выполнявшую работу по синтаксису Catapatha Brahmana. Может быть, Вы увидите время прочитать его в “Mémoires de la Société de Linguistique”. Муж этой дамы уже вернулся в Россию благодаря революции и, насколько я знаю, является членом муниципального совета Петрограда. Его жена с сыном должны приехать к нему. Поскольку ваши университеты теперь не имеют каких-либо ограничений в отношении религии и пола, может быть, Вы сумеете предложить ей (после войны!) какую-либо работу, связанную с зендом и санскритом»¹⁰.

Однако русская революция пошла иными путями, чем ожидала большая часть демократической интеллигенции, и в 1919 г.

Н.О. Щупак вновь уехал в Париж, где стал представителем Заграничной делегации РСДРП при Французской социалистической партии и, по словам историка меньшевизма, “помогал сначала Аксельроду, а потом Мартову пропагандировать меньшевистскую интерпретацию событий в России”¹¹. 4 марта 1921 г. С.Д. Щупак писал Н.О. Аксельроду, что его жена потрясена насильственной “большевизацией” Грузии: “У нее такой искренний порыв горя и негодования, что мне приходится напрягать максимум усилий, чтобы как-нибудь ее успокоить”¹². В сборнике писем Ю.О. Мартова 1916-1922 гг., хранящихся в Гуверовском институте в Стэнфорде, Н.О. Щупак является одним из основных адресатов. Вошли в книгу письма, обращенные к Н.О. Щупак и свидетельствующие об их дружеских отношениях. В первой половине 20-х годов Н.О. Щупак перевела с немецкого языка на французский полемику К. Каутского против большевизма и письма Розы Люксембург к Карлу и Луису Каутским¹³.

В Берлине, куда Н.О. Щупак по-видимому приезжала навестить умирающего Мартова, она познакомилась в 1922 г. с известным пи-

сателем-символистом Андреем Белым. Свидетельством этого знакомства является письмо к ней А. Белого:

«Берлин, 17 ноября 1923»

Милая, милая Надежда Осеевна,
или – если позволите, –
милая Диноэ,

Нет, я не забыл тех хороших минут и дней, которые я провел с вами. Я даже удивляюсь: вот встретились, поплясали; опять встретились, опять поплясали и только немного поговорили у меня, – а вы уже высекся луч от этой встречи; и сейчас в моей памяти о Надежде Осеевне – светлый маленький лучик! В моем сердце! и верю: наша встреча не случайна; она будет иметь продолжение; да, – мы встретимся; и дознается то, что стоит для меня загадкой; со столькими встречаешься в сутолоке берлинской жизни – и ничего не высекается; а ведь вот – встретились: вспыхнул “светик” (...). Не короче молчание: оно от душевной боли и немоты внутри при истерзанности жизни во вне. Ну, всего светлого. Спасибо за письма: пишете!

Борис Бугаев

Знакомство это не оставило большого следа в жизни обоих корреспондентов. Единственным свидетельством его является данное письмо, если не считать своеобразной реминисценции в письме А. Белого к Р.В. Иванову-Разумнику от 17 декабря 1923 г.: “Однажды время я плясал (и, ах, как хорошо она пляшет!) с почтеннейшей меньшевичкой, находящейся в близких отношениях с Каутским. Та оная меньшевичка приходила в кафе с египетским словарем по мышкой (она хорошая египтологичка); и тем не менее, как она плясала фокстрот!”¹⁵ Мы не сомневаемся, что и в этом письме речь идет о Н.О. Щупак.

С 1922 г. Н.О. Щупак начала преподавать санскрит в Сорбонне. Она читала курс “Введение в индологию” и вела занятия по языку для первого курса, читала со старшими студентами санскритские тексты, толковала и комментировала на занятиях законы Ману. Известный французский славист Андре Мазон привлек Н.О. Щупак к проведению совместных занятий по “Хождению за три моря Афанасия Никитина” и “Сказке о царе Салтане” Пушкина, в которых она, по-видимому, выступала как специалист-востоковед. Но она и помимо того глубоко интересовалась Пушкиным и его эпохой, собирала литературу на эту тему и к 100-летию восстания декабристов написала статью о них¹⁷. Когда Сильвен Леви в 1927 г. основал Институт индийской цивилизации при Сорбонне, Н.О. Щупак стала по его приглашению секретарем и библиотекарем этого Института. Она не только формировала библиотеку и помогала директору Леви в текущей административной работе, но и, по свидетель-

коллег и студентов, была “душой института”, создавая особую атмосферу теплоты, доброжелательности и интеллигентности. По инициативе преподавания в высшей школе Надежда Осеевна, чтобы заработать на жизнь, вынуждена была заниматься переводами, давать частные уроки, редактировать работы индийских студентов и труды иностранных ученых, писавших по-французски. Все это не давало ей возможности сосредоточиться на научной работе, для которой она была создана и к которой жадно тянулась. Как вспоминал один из ее учеников, крупнейший французский индолог Луи Рену, “она рассказывала с улыбкой, что даже во время поездок в метро она читала санскритские тексты”¹⁸.

Список печатных работ Н.О. Щупак не очень велик, но ее вклад в развитие французской индологии нельзя не признать весомым. Ею были составлены санскритско-французский словарь (совместно с Л. Нитти и Л. Рену) и выпущенная посмертно санскритская хрестоматия¹⁹. Научные интересы Н.О. Щупак лежали преимущественно в области классической индийской литературы. Она перевела с санскрита на французский язык драму индийского классика Бхавабхути (VII в. н.э.) “Уттарарамачарита” (“Последнее приключение Рамы”), снабдив ее обширным введением (свыше 50 страниц) и комментариями²⁰. Во введении Н.О. Щупак рассмотрела различные аспекты жизни и творчества Бхавабхути и дала тщательный анализ его проблематики и стиля. Л. Рену назвал впоследствии это издание “маленьким шедевром”, подчеркивая, что переводчице удалось передать по-французски красоту и утонченность санскритского стиха, добавив: “Эта русская удивительно владела французским языком”, отмечая научную ценность введения²¹.

Начиная со второй половины 30-х годов Н.О. Щупак основное внимание уделяла изучению индийской поэтики и риторики. Она готовила комментированный перевод одного из важнейших индийских трактатов по поэтике “Кавьямимамса” (“Рассуждение о поэзии”) Раджасекхари (IX–X вв.), который был завершён и издан уже после смерти Л. Рену²². Собранный ею и отчасти использованный в комментариях огромный материал по индийской поэтике Рену оценивал как “подлинную сокровищницу”.

В 1924 г. в жизни Н.О. Щупак произошли два события, глубоко изменившие ее. В январе 1924 г. в возрасте 17 лет умер ее единственный сын. В конце лета того же года во Францию после десятилетнего перерыва приехал ее бывший учитель по Бестужевским курсам П.В. Тарле, ставший к этому времени крупнейшим специалистом по истории Французской революции, Наполеоновской эпохи и международным отношениям XIX–XX вв., одним из наиболее популярных профессоров Ленинградского университета, в недалеком будущем (с 1927 г.) академиком. Во Франции Тарле много работал в архивах

и библиотеках, встречался с французскими коллегами и своими друзьями русскими знакомыми. В числе последних была и Н.О. Шупак. Свидетельства этого возобновившегося знакомства находим в письмах Е.В. Тарле к жене Ольге Григорьевне. 20 октября 1924 г. Тарле писал ей в Ленинград: «Санскритолог и ее муж дают вечернюю честь. Будут латинист Сорбонны Марузо и еще сорбоннские литературно-стические знаменитости»²³. В письме от 18 ноября 1924 г. читательница увидит: «Передай С.Ф. Ольденбургу, что Сильвен Леви грустит, что он не пишет вовсе. Я с Леви не знаком, но он передал через санскритолога»²⁴. Сильвен Леви, с которым Тарле также вскоре познакомился, и С.Ф. Ольденбург, являвшийся в течение четверти века постоянным секретарем Российской Академии наук, были близкими друзьями с молодых лет²⁵. М.О. Штейнберг записал 2 декабря 1924 г. в своем дневнике: «Днем заходил проф. Тарле, приехавший из Парижа, с поклонами от Нади. Она много работает; ведет практические занятия в Сорбонне санскритом с индусами, много переводит. Родом хваливал ее ужасно. Говорит, что она «самый умный человек в департаменте Сены». Привез ее портрет и снимки с кладбища в Гренобле и могилы Волика»²⁶.

В последующие пять лет Е.В. Тарле ежегодно приезжал на несколько месяцев во Францию и неизменно встречался и много общался с Надеждой Осеевной. Так, 25 августа 1925 г. он не без иронии сообщал жене: «Вчера был обед у санскритолога с артишоками и братиком. Он здесь еще три недели пробудет и очень обижен Парижем и вообще. Рекламисты, вроде Стравинского и Кусевицкого тут процветают, а люди истинных качеств не оцениваются». И. Стравинский позднее вспоминал о том, как М. Штейнберг в Париже «пожелал прочесть мне лекцию о ложном развитии моей карьеры. Он вернулся в Россию основательно раздраженный тем, что отказался встретиться с ним»²⁸.

Н.О. Шупак перевела на французский язык часть книги Е.В. Тарле «Континентальная блокада и королевство Италия», вышедшей в Париже в 1928 г., она же просмотрела главы переведенные самим автором, окончательно отредактировала весь текст и следила за печатанием книги²⁹. Разумеется, мы не ставили своей целью проследить историю личных отношений Н.О. Шупак и Е.В. Тарле (да и сохранившиеся документы не дают такой возможности). Но, думается, мы вправе сказать то, в чем они не оставляют сомнений. Евгений Викторович Тарле был человеком исключительного блеска, ума и таланта и Н.О. Шупак вскоре глубоко полюбила его.

Последний раз Е.В. Тарле приезжал во Францию осенью 1929 г. Через месяц с небольшим по возвращении в Ленинград, 28 января 1930 г. он был арестован и наряду с другими выдающимися русскими

историками (С.Ф. Платоновым, С.В. Бахрушиным, В.Н. Бенешевичем, А.И. Андреевым, Б.А. Романовым и др., всего более ста человек) был обвинен в принадлежности к мифической контрреволюционной организации, ставящей целью свержение советской власти. Это было одно из сфабрикованных сталинских дел, так называемое «дело Академии наук», подробности которого стали известны лишь в 1990-е годы⁴⁰. После полутора лет пребывания в ленинградской следственной тюрьме Тарле в августе 1931 г. был выслан на пять лет в Алма-Ату.

Аресты русских историков и особенно Тарле получили широкую огласку за границей и вызвали на Западе протесты научной общественности. Наиболее активны в этом отношении были французские ученые. В журнале «Annales Historiques de la Révolution Française» была опубликована негодующая статья известного историка Французской революции левого социалиста Альбера Матьеза⁴¹. Одновременно было напечатано заявление французских ученых с протестом против ареста Тарле, переданное в ноябре 1930 г. правительству СССР через министерство иностранных дел Франции. Протест этот подписали профессор Коллеж де Франс Сильвен Леви, профессора Сорбонны Жорж Пажес, Камиль Блок, Раймон Гюйо, Филипп Саньяк, Альбер Матьез, Анри Озе, Луи Эзенман, Пьер Ренувен, Шарль Сеньобос, профессор Реннского университета Анри Сэ, архивисты Национального архива Пьер Кардон, Жорж Буржеп, Робер Аншель и Анри Патри⁴².

В личном фонде Е.В. Тарле в Архиве Российской Академии наук в Москве нами обнаружены письма к нему Н.О. Щупак за 1931–1935 гг., фигурирующие в архивной описи как «письма неустановленного лица из Парижа»⁴³. Все они не подписаны и адресованы на Главпочтамт (сначала Алма-Аты, потом Москвы и Ленинграда) «по постребованию». Это письма к любимому человеку, написанные поспешно и с оглядкой на цензуру. Думается, что позволительно будет привести некоторые цитаты из них, поскольку ни один известный нам документ не раскрывает в такой степени личность Н.О. Щупак и обстоятельства ее жизни. Письма ее к Е.В. Тарле полны ума, юмора, тонких замечаний – и горячей всепоглощающей любви. Она отправляла в Алма-Ату продовольственные посылки и переводила (через Торгсин) деньги – отчасти это были гонорары за 2-е издание его книги о континентальной блокаде, вышедшее во Франции в 1931 г.

Н.О. Щупак постоянно снабжала Тарле новыми иностранными книгами, журналами и газетами, что было для него очень важно. Из писем мы узнаем, в частности, что в Алма-Ату ею были посланы новые книги П. Валери, А. Бергсона, Б. Гретхейзена, А. Озе, Ф. Брюно, А. Моруа (биография Байрона), Ж. Дюамеля, Ж. Ромена. Отправлялись и номера многочисленных газет и журналов самых

разных направлений (в том числе “Revue d’histoire moderne”, “Nouvelle Revue Française”, “Mercure de France”, “Temps”, “Nouvelles Littéraires”, “Candide”, “Gringoire”, “Humanité”, “Je suis partout”, “Times”, “Berliner Tageblatt” и др.). В свою очередь Тарле, как это и велось еще до его ареста, посылал ей новинки русской науки и литературы. Среди полученных ею от него книг, которые упоминаются в письмах, – произведения Б. Пастернака, Ю. Тынянова, И. Эренбурга, О. Форш, литература о Пушкине и его времени, работы о Л. Достоевском, издание черновых рукописей Достоевского, “Литературное наследство”, “Архив Огаревых” и многие другие.

Очень интересны для понимания личности Н.О. Щупак литературные оценки, рассеянные в ее письмах к Тарле. Мы узнаем, в частности, что она любит Бальзака и Достоевского, с удовольствием перечитывает Дидро, многое ценит у Некрасова и, напротив, пренебрежительно отзывается о “Жизни Тургенева” А. Моруа, романе “Сибиряк” Жана-Ришара Блока и “Американской трагедии” Т. Драйзера.

Некоторые отзывы Н.О. Щупак хочется привести дословно, настолько они выразительны и характерны. “В стихах Пастернака много литературно интересного и человечески волнующего – я буду их читать и читать. Вообще говоря, я в последние годы разучилась читать и воспринимать стихи, но в этой книжке что-то меня захватило (может быть, отчасти дело в экспедиторе?)”, – читаем в письме от 30 декабря 1931 г.³⁴

11 августа 1932 г. она делилась с Тарле своими впечатлениями о книге “Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева” (М., 1931): “Получила на днях томик о Леониде Андрееве – даже странно, что он сравнительно недавно умер – при воспоминании веет такой стариной, точно столетия прошли со времени его *surhommes à la plume* (неудачливых сверхчеловеков (фр.). – Б.К.). Дело, разумеется, не в его персонажах и сюжетах – чеховские герои тоже отжили свой век, но в Чехове есть художественно-вечное, до чего Леониду как до звезды небесной”³⁵.

Не менее характерны отзывы о западных авторах. Посылая Алма-Ату только что вышедшую книгу Поля Валери “*Regards sur le monde actuel*” (Paris, 1931), Н.О. Щупак замечала в письме от 26 ноября 1931 г.: «Интересно, понравится ли Вам книжка Valery – об истории, правда, он имеет довольно “салонное” представление, но по-таки у него много тонких мыслей и – *voilà un membre de l’Académie Française* – даже смелых мыслей (сравнительно)»³⁶.

Демократическая закваска сказывается в отзыве Н.О. Щупак о знаменитом философе Анри Бергсоне, книгу которого “*Les deux sources de la morale et de la religion*” (Paris, 1932) она также отправила Тарле: «Послала Вам Бергсона; не берусь судить его как философа, – я в этом деле профан. Но что за куцое мировоззрение, когда

становится в профетическую позу и рассуждает о проблемах современности (“Человечество, страдающее от хорошей жизни” – *par des fois!* [Однако! (фр.) – Б.К.] – сказал бы Gavroche). Я больше убеждаюсь в том, что “классовый характер” автора определяется не столько средой, из которой он вышел, сколько средой, в которой он обращается. Писатель или даже ученый не столько действует на аудиторию, сколько подвергается ее действию, сознательно или подсознательно к ней приспосабливается. Не знаю, почему из бергсоновских снобинок стали глубокими философиями на его “философии” несомненно сказывается характер его аудитории. Только исключительно крепкие головы могут выдержать (письмо от 11 августа 1932 г.)³⁷. Как известно, лекции Бергсона в Коллеж де Франс были светскими событиями, на которые собирался “весь Париж”.

Письмо от 22 июня 1932 г. с оценкой блестящего памфлета историка французского языка Ф. Брюно “*Observations sur la grammaire de l’Académie Française*” (Paris, 1932) заставляет вспомнить о том, что автор его настоящий филолог: “Читаю самую веселую книгу, которая мне попадалась в последнее время: критические замечания Brunot к грамматике Французской Академии. Завтра или послезавтра ее пошлю Прелесть, что такое. Надо быть французом, чтобы с такой язвительной куртуазностью сказать своим коллегам, что они ослы, и что они рыла не смыслящие в том деле, за которое взялись (в составлении пресловутой грамматики не принимал участие ни один специалист, хотя в составе Академии имеются такие светила, как Brunot, Meillet и т.д.)”³⁸.

Но, конечно, отзывы о книгах не являются ни единственным, ни главным содержанием писем Н.О. Щупак к Е.В. Тарле. Жизнь ее была исполнена ежедневным напряженным трудом. Представление в рабочий день Надежды Осеевны дает ее письмо к Тарле от 5/6 января 1932 г.: «В 9 ч. позвонил Sylvain Lévi по целому ряду неотложных университетских дел; пришлось мчаться в Сорбонну и ухлопать все утро на составление официального рапорта (на предмет установления годового бюджета), а потом наскоро готовить материал для занятий с первокурсниками. Еле успела сбегать к моим приятелям книжнику и газетчице и выпить чашку кофе. Потом полтора часа занималась со студентами (практические занятия), раздавала “мудрые советы” и т.д. От 4 до 6 с половиной работала с индусской питомицей над ее диссертацией (...). Дома очутилась к 7, налопалась цветной капустой и шоколаду (новогоднее приношение) и снова за работу перестукивала рукописи словаря, потом опять писала рапорт (такой день выдался!) – на сей раз блюстителю нравов моего сиамского питомца, потом переводила диссертацию (экономическую) другого индусского питомца (ученик Hauser’a)»³⁹.

В общем, однако, о своем быте Н.О. Щупак пишет мало, тогда как больше внимания она, как истинный интеллигент, уделяет проблемам науки и (до известной степени) политики. Человек глубоко убежденный чувствует себя в письме от 24 декабря 1931 г.: «1931 год кончился в нашем Институте выступлением одного индусского ученого – канцлера Бенаресского университета, члена конференции круглого стола и т.д. В течение полутора часов он преподнес нам, с невозмутимым видом, такой набор общих мест, что удивляли... Оказывается, независимость Индии нужна главным образом для того, чтобы мудрецы в его роде могли спокойно предаваться созерцанию своего пупа. А для того, чтобы установить всеобщий мир, достаточно понять, что все люди братья, дети единого отца (тут мы-таки да фыркнули) (...) En fait de [что касается (фр.) Б.К.] братства, я бы ему предложила прогуляться, например, по улицам Берлина – с одной стороны по Kurfürstendamm’у, где ходят толстозатылочные спекулянты и мадамы в мехах и бриллиантах, с другой стороны по голодным рабочим кварталам. Впрочем, здесь, в Париже, не занимать этих проявлений “братства”, только они пока меньше бросаются в глаза. В Берлине я была буквально отравлена этими впечатлениями и вернувшись, долго ни о чем другом не могла ни думать, ни говорить»⁴⁰. Но, разумеется, в письмах адресованных в Советский Союз ссылному и поднадзорному человеку, по-настоящему касаться вопросов политики было невозможно.

Н.О. Щупак старалась держать Тарле в курсе научной и интеллектуальной жизни Парижа, писала ему о своих встречах и беседах с французскими учеными. В частности, она неоднократно передавала Тарле дружеские приветы от Сильвена Леви, а к письму от 3 ноября 1931 г. прилагает фотографию, на которой она изображена вместе с С. Леви. Наиболее интенсивные контакты, как это видно из писем, у нее были с историками Анри Сэ, Камилем Блоком и Альбертом Матъезом.

В первом же сохранившемся письме в Алма-Ату, от 1 октября 1931 г., Н.О. Щупак сообщала Тарле: “До поездки к сестре провела несколько дней в Rennes у милейшего старичка Henri Sée – если бы вы знали, каким он был мне другом в тяжелые минуты, как много мне помог”⁴¹. Анри Сэ и его жена пригласили ее приехать к ним на Рождество. Свою поездку она описывала в письме от 30 декабря 1931 г.: “Я сегодня вечером в 12-м часу вернулась из Rennes... Старички в Rennes всячески меня баловали. Mme Sée много рассказывала о Лучицком и об их поездке к нему в 1909 г. А он рассказывал свои воспоминания о Парижской коммуне – ему было всего 6–7 лет, но очень хорошо помнит многие, разумеется, внешние подробности. И потом о Реннском процессе (Дрейфуса)”⁴². Крупнейший спец-

по экономической истории Франции Анри Сэ (1864–1936) был профессором истории, директором преифусаром и членом Лиги прав человека.

Колоритен рассказ в письме от 11 ноября 1931 г. о разговоре с профессором новой истории К. Блоком: “Только что по телефону разговаривала с Camille’ом. Он просил позволения Вам написать. Он очень ко moule [растяпа, шляпа (фр.) – Б.К.], но хороший человек, и он si dire Alberto furioso [что бы ни говорил о нем неистовый Альберто (фр.) – Б.К.]. Когда-нибудь я Вам расскажу, как я оказалась между moule’ством одного и дурацким крикливым тщеславием другого и как моя кротость укротила строптивного крикуна”⁴³. “Недавно Альберто” (по аналогии с героем поэмы Ариосто) Н.О. Шупак называла Альбера Матъеза, отличавшийся бурным темпераментом.

6 февраля 1932 г. Н.О. Шупак сообщила Тарле о скоропостижной смерти Альбера Матъеза, с которым случился удар во время лекции. Через три дня, 29 февраля 1932 г. она рассказывала: “Сегодня похороны Mathiez’a. Гроб из госпиталя (где он скончался, и приходя в сознание) привезли в Сорбонну и прощальная церемония состоялась у входа в амфитеатр Michelet, где он всегда читал. Эрасторий по заранее установленному распорядку никто не пошел, кроме, кажется, членов семьи (которая, впрочем, отказалась участвовать похоронами, так что все устроил факультет). Речи были очень сердечные, но... ни один историк не выступил. Я положила на гроб petite [букетик (фр.) – Б.К.] красной гвоздики (мысленно и от себя). Встретила всех своих исторических приятелей: Camille Bloch’a, веруемого Renouvin’a, милого денди Bourgin’a (который просил Вам передать горячий привет)”⁴⁴. 4 апреля 1932 г. очевидно в ответ на какое-то слова Тарле о Матъезе Н.О. Шупак писала: «Я тоже часто думаю о бедном Albert’e и не могу свыкнуться с мыслью, что его нет. Его коллеги его не любили – отчасти (одни) за “левизну”, отчасти за вспыльчивый характер, а в значительной мере, я думаю, оттого, что чувствовали, насколько он как ученый их всех опередил. Один только старичок Henri Sée к нему трогательно хорошо относился, но ведь старичок вообще воплощенная доброта и мягкость. А студенты его игнорировали, несмотря на то, что он им потачки не давал и многого от них требовал»⁴⁵.

В письме Надежды Осеевны к Тарле от 28 октября 1931 г. содержится слова: «Один умный англичанин (Huxley) говорит в одной из своих книг, что главная ценность культурности в том, что она выводит человека из сферы личной жизни. Очевидно, либо я недостаточно культурна, либо бывают обстоятельства, где даже “культура” паует»⁴⁶. Через все письма Н.О. Шупак к Е.В. Тарле проходит тема ее любви к нему. Это очень деликатная тема и автор настоящей работы никоим образом не хотел бы выглядеть “исследователем” чужой

личной жизни. Но мы считаем возможным привести из писем несколько цитат, чтобы дать почувствовать характер этого проницательного “человеческого документа”.

13 ноября 1931 г. Надежда Осеевна писала Тарле: “Сегодня пишу ему мальчику 24 года. Ночью я с ним мысленно говорила – о моей любви к Вам обоим. Вы друг у друга ничего не отнимаете, оба во мне так глубоко всегда”⁴⁷. 5–6 января 1932 г.: “Когда пишу Вам писать, у меня как-то на время стирается чувство расхождения физической разьединенности, болтаю, что в голову взбредет, тогда вчера расстались и завтра увидимся. Этим только и живу”⁴⁸. 24 января 1932 г.: “Чувствуешь ли ты постоянную мысль о тебе? Знаешь ли что только тобою и для тебя живу? Сколько уже раз повторила те же слова – тебе не надоело читать? Я всю свою душу вкладываю в эти бедные и бледные слова”⁴⁹.

В ее письмах есть и нотки трезвости и даже самоиронии. В ее письме от 17–18 февраля 1932 г. мы находим такие слова: “Только пожалуйста, не делайте мне невероятных комплиментов, сравнения с Шопенгауэром (rien que sa !) [И только-то! (фр.) – Б.В.] а то меня начинает угнетать мысль, что Вы любите не меня, а какую-то Вами же сочиненную поэму”⁵⁰. Получив известие о смерти собачки Тарле, она писала в Алма-Ату 21 сентября 1932 г.: “Мне очень огорчило известие о смерти Зиночки – представьте себе, в ней в последнее время часто думала; по-видимому мои телепатические способности переносятся на тех, к кому Вы привязаны. Но ужели к ней больше, чем ко мне? Или столько же?”⁵¹ И все-таки в одном из последних сохранившихся ее писем, от 26 июня 1935 г. строки: “Спасибо за то, что Вы существуете. Как и 11 лет тому назад, это мне так помогает”⁵².

Любовь Надежды Осеевны была деятельной. Внимательное прочтение ее писем к Е.В. Тарле и сопоставление их с другими документами не оставляет сомнений в том, что ключевую роль в организации протестов на Западе, которые привели к возвращению Е.В. Тарле в алмаатинской ссылке, сыграла Н.О. Щупак. Почти все французские ученые, о встречах с которыми она рассказывала Тарле, подписали в ноябре 1930 г. протест против его ареста, некоторые из них предпринимали и дальнейшие шаги. Н.О. Щупак постоянно напоминала своим французским коллегам и друзьям о судьбе Тарле. В этом контексте следует понимать и ее визиты к ректору Сорбонны, о которых она упоминает в письмах от сентября 1931 г. и от 2 июля 1932 г. Тогдашний ректор Сорбонны историк Себастьян Шарлети лично знал Тарле и тоже принимал участие в хлопотах за него. Н.О. Щупак обращалась за помощью и к президенту Норвежской Академии наук и Международного комитета исторических наук Хальдвану Куту, который писал о деле Тарле советскому послу в Норвегии⁵³.

Как выясняется, в деле освобождения Тарле из ссылки наиболее активную роль из французских ученых сыграл Анри Сэ. Осеева в 1931 г. Н.О. Щупак в одном из писем, прибегая к “эзопову языку”, рассказывала Е.В. Тарле историю своего знакомства с ним: “Я хочу рассказать Вам, как я попала в Rennes (...) Прошлой осенью по моей инициативе (хотя я взяла на себя роль чисто техническую) одной наших ученых затеяла одно коллективное предприятие (научного характера), об этом узнал Henri Sée и обратился за разъяснениями к Sylvain Levi, имя которого стояло первым в списке сотрудников, т.к. я была техническим секретарем, то ответила ему я, и началась оживленнейшая переписка (ведь он 17 лет не выходил из своего кабинета и любит ужасно писать письма) и мы так “пожужжали”, что на Пасху я к ним съездила на два дня. И он и его жена оказались ужасно славные, так что летом уже мне пришлось к ним поехать на целую неделю»⁵⁴. Судя по всему, “коллективное предприятие научного характера” – это упоминавшаяся выше петиция французских ученых в защиту Тарле.

Из опубликованной недавно во Франции и России переписки Ромена Роллана с М. Горьким мы узнаем, что в начале весны 1931 г., к Роллану обратился с письмом проф. Анри Сэ, возмущенный арестами историков в России и просивший Роллана использовать доступные ему каналы для их спасения. 22 апреля 1931 г. Роллан писал Горькому, что А. Сэ неудовлетворен ответом Горького и что “особенно его возмущает, как и всех социалистов и радикалов среди французской интеллигенции, случай с проф. Тарле”⁵⁵. Первоначально этот демарш не имел успеха. В письме от 3 мая 1931 г. Горький сообщил Роллану официальные обвинения против арестованных историков. Приблизительно через год, в апреле (это письмо не сохранилось), а затем 12 мая 1932 г. Роллан, несомненно под давлением французской профессуры, мобилизованной Н.О. Щупак, вновь обратился к Горькому с просьбой облегчить положение Тарле, в частности разрешить ему приехать в Москву для лечения⁵⁶. В апреле 1932 г. в Алма-Ату был направлен член Верховного суда СССР А.А. Сольц, который беседовал с Тарле об обстоятельствах его дела. 15 июля 1932 г. Н.О. Щупак писала Тарле: “На будущей неделе я и Rennes (главным образом потому, что в тамошней библиотеке имеется какая-то неизданная корреспонденция с Ж. Кристофом, которую я, как Вы знаете, штудирую)”⁵⁷. Очевидно, что речь идет о каких-то новых письмах Ромена Роллана. 5 августа 1932 г. Горький ответил наконец Р. Роллану: “По поводу (...) Тарле я говорил с кем следует и имел право думать, что эти вопросы разрешены положительно. Немедля восстановлю хлопоты. Здесь главную роль играет не та же причина: всем некогда, маленькие дела подавляются большими”⁵⁸. 26 августа 1932 г. в Алма-Ату была направлена телеграм-

ма Е.П. Пешковой, возглавлявшей Комитет помощи политзаключенным, в которой сообщалось, что Тарле разрешено приехать в Москву для лечения.

В Москве, куда Е.В. Тарле прибыл в начале октября, он был принят секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе, который объявил ему об амнистии и разрешении вернуться в Ленинград. 10 октября 1932 г. в первые дни пребывания в Москве, Тарле писал жене Ольге Григорьевне, еще остававшейся в Алма-Ате: “Был только что у Пешковой на Кузнецком. Все объяснилось. Все сделал Сансичек”⁶⁰. И от А до Z (via Rom., который в мгновение ока etc.). И все это было уже 8 месяцев тому назад сделано”⁶⁰. В Москве между Евгением Викторовичем и Ольгой Григорьевной, которая возвращалась в Ленинград, состоялись не лишённые драматизма объяснения относительно роли Надежды Осеевны. В нескольких письмах он пытался разъяснить жене характер своих отношений с нею.

В одном из них он писал: “Знаешь (говорю серьезно, клянусь) о чем я буду горько жалеть, когда узнаю о смерти S.? О том, что так редко и так мало писал ей ласковых слов! Ведь 999/1000 содержавшихся в делах и литературных моих отзывы о книгах, либо ею мне, либо мною ей посылаемых. Более бескорыстной, чистой, бесконечной преданности и любви, чем ее – ничего не получающей, все дающей нельзя себе и в фантазии вообразить”⁶¹. Тарле был убежден в решающей роли, сыгранной Н.О. Щупак в его освобождении из ссылки “И каждый день приходится вспоминать (и наблюдать), что может эта железная воля, громадный, рассчитывающий ум и – психопатическая бесконечная преданность мне. У нее именно в этом главная психопатия. Elle a commenc e, elle a tout fait et elle continue rien n’est impossible: elle veut ma reinstallation complete (...) Le vestige de ces efforts se fait sentir ici tous les jours et en tout (...) Elle terrasse et ebranle les montagnes”, – читаем в письме от конца ноября 1932 г.⁶² 5 декабря 1932 г. он повторял: «Невозможное, кажется, станет возможным. Сделано все, горы двинуты – и сдвинуты... Не мной. Как? Куда? Каковы звенья посредствующие – от prima movens [первоначальный толчок (лат.). – Б.К.] до сегодняшнего разговора – об этом устно. Так купить ей Бродского “Комментарий к Онегину”?»⁶³

14 декабря 1932 г. Тарле писал Ольге Григорьевне: «А о письмах (...) знай, что он (Sans) их сожжет не потому, что ты о них чушь выдумала, а потому (он писал на днях снова об этом!), что могут урвать и не положить в гроб... Их не будет на свете еще до кончины Санса, ибо он уже сжег (я тебе писал) за несколько лет и едва не сжег в 1930 г. И вообще огонь для писем его не пугает, ибо огонь сохраняет сущность и “надо делиться с огнем”. Так она поделилась в 1930 г. двумя (из четырех) тетрадками, оставшимися после ее смерти. Sic. Ну, поняла?.. Сфинкс не мои отношения с Сансом – а душа пер

рой умной, больной, навеки погубленной и раненой (вспомни Сеню Васильевну после смерти дочери) страшным горем ученой женщины, на беду (или на счастье?) погруженной в индуизм с фанатизмом и зловещими старикашками с серебряной ленточкой на башке. Это и для меня Сфинкс (я знаю, но не понимаю, как этот комик можно держать в голове и верить)»⁶⁴. Нам, правда, ничего не известно об увлечении Н.О. Шупак восточными религиями и из всего, что мы знаем о ней, трудно представить себе ее адептом какой-либо из них, но возможно Тарле имел в виду какие-то настроения инстинктивного характера в острые моменты тоски по сыну.

Из этого письма мы узнаем также о судьбе писем Е.В. Тарле к Н.О. Шупак. Ее собственные письма к нему до 1930 г. очевидно попали со всем его архивом при аресте. Несколько сохранившихся писем 1933-1935 гг., адресованных в Ленинград, написаны в приглушенных тонах и очень печальны. Так, 17 июля 1934 г. она писала Тарле: “Занимаюсь все еще генеральной чисткой и попутно истреблением залежей всяких бумажек, писем и т.д. (...) Точно ворочаешь у себя пепел всей жизни (...) На меня вдруг меланхолия напала – жизнь глупо прожита и глупо кончается. И сама я глупая”⁶⁵. Н.О. Шупак прислала Тарле хранившуюся у нее рукопись его книги “Жерминаль и прериаль”, написанной в конце 20-х годов (она была опубликована в 1937 г.). В самом позднем сохранившемся письме, от 26 июня 1935 г., читаем: “Факультетские дела совсем устроены, комитет искровиков единогласно постановил послать приглашение. Я пока даже думать боюсь о таком счастье”⁶⁶. Речь идет о приглашении Е.В. Тарле читать лекции в Сорбонне, к организации которого так же, как видим, была причастна Н.О. Шупак. Однако советское руководство на самом высоком уровне наложило вето на эту поездку. Вопросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1935 г. было решено: “Отклонить поездку проф. Тарле в Париж для чтения лекций”⁶⁷. Встретиться с Е.В. Тарле Надежде Осеевне больше не удалось. Продолжалась ли их переписка после 1935 г. и до какого времени, – нам неизвестно.

О жизни и деятельности Н.О. Шупак в 30-е годы мы можем судить по нескольким источникам. Складывается впечатление, что с начала 30-х годов она жила отдельно, хотя формального развода, кажется, не было. Всю себя она отдавала научной работе и преподаванию. В 1935 г. один за другим умерли два учителя Н.О. Шупак – Луи Фино и Сильвен Леви. Памяти последнего она посвятила несколько теплых страниц и приняла участие в составлении его библиографии⁶⁸. Памяти Л. Фино посвящен ее перевод драмы Бхавабхута. В 30-е годы, как уже говорилось, были созданы основные индологические работы Н.О. Шупак. 23 февраля 1934 г. М.О. Штейнберг написал в дневнике: “Надя получила *palmes académiques* – вот какая

сестричка!”⁶⁹ Надежда Осеевна переписывалась с жившим в Ленинграде братом-композитором, но письма эти, по-видимому, не сохранились и, во всяком случае, местонахождение их неизвестно. Сохранились, однако, ее письма к музыковеду Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову (1878–1940), брату Н.Н. Штейнберг. Письма эти свидетельствуют, пожалуй, об особой душевной близости Надежды Осеевне и А.Н. Римского-Корсакова, остававшиеся в Ленинграде, поручив Надежде Осеевне представлять их интересы в международном авторстве по авторским правам и она занималась получением и переводом в Россию гонораров, причитавшихся им за исполнение произведений их отца. Значительная часть ее писем посвящена этим вопросам. Но в письмах мы находим и некоторые сведения о жизни, настроениях и круге общения Н.О. Щупак в 30-е годы.

А.Н. Римского-Корсакова интересовала музыкальная жизнь Парижа. Надежда Осеевна неоднократно писала ему, что давно уже не посещает концерты и спектакли и лишь в очень малой степени может ответить на его вопросы. Тем не менее об исполнении в Париже вещей А.Н. Римского-Корсакова она нередко давала своему корреспонденту очень интересную и живую информацию. Так, в письме от 23 июня 1932 г. читаем: «Я уже писала Мих. Ник-чу и Мари, что в Opéra Comique ставили “Моцарта и Сальери” с Шаляпиным. К сожалению, я не попала ни на один из трех спектаклей. Как мне сообщил Глазунов, вся постановка была испорчена “трюком”. Шаляпин (он этим хвастается в интервью) выдумал ввести полностью Requiem Моцарта, который совершенно нарушил построение и ритм самой оперы. Поэтому или по другим причинам, но вещь в прессе не имела никакого успеха – вернее ей едва посвятили по несколько строк, заявляя, что она, мол, не соответствует великому таланту Р[имского]-К[орсакова]. А один рецензент, отлично знающий русский язык, заодно прошелся насчет “paroles médiocres de Pouchkine” [“посредственного текста Пушкина” (фр.) – Б.К.]!!! Вообще и в Париже и в Германии критика обиделась за “клевету” на Сальери и уделила куда больше места его реабилитации, чем разбору самого произведения. Посылаю Вам довольно характерную вырезку из “Temps”. В гораздо более позднем письме, от 29 октября 1938 г.: «О балетной переделке “Петушка” мне говорил художник Ларионов. Но, конечно, саму ее больше волновали другие вещи. 28 апреля 1934 г. Надежда Осеевна писала Римскому-Корсакову: “Фашистская зараза, идущая с двух сторон, из Италии и Германии, к сожалению действует на умы, создавая настроение тревожной неуверенности, том, что принесет завтрашний день. А гнет материальных повседневных забот становится все тяжелее”⁷². После прихода к власти Гитлера, жившая с середины 20-х годов в Берлине, младшая сестра Н.О. Щупак Лиля уехала с мужем и матерью в Палестину. Сама Н

Осеевна, как можно судить по некоторым намекам в письмах Стрелю и Римскому-Корсакову, мечтала иногда в это время о переезде в СССР, но она слишком хорошо представляла обстановку в Советской России, чтобы совершить такой шаг.

Нетрудно представить себе, сколь тяжела была для Н.О. Щупак историческая и моральная атмосфера конца 30-х годов, когда Франция шаг за шагом сползала к катастрофе. Но она продолжала интенсивную преподавательскую и научную работу, ставшую теперь для нее единственным смыслом существования. Роль Н.О. Щупак в жизни Института индийской цивилизации при Сорбонне, по единодушному признанию коллег и учеников, была значительно больше той, которую предполагала ее скромная должность. “Ее авторитет основывался на ее бескорыстии и преданности делу” (Ж. Блок). “Она обладала вкусом к преподаванию и преподавательским даром (...) говорила просто и непретенциозно, она учила в действительности прикладной науке, избегая схоластики благодаря живому чувству и свежести восприятия” (Л. Рену). “Ее участие в занятиях было драгоценным: скромно и деликатно она давала исчерпывающую информацию, совет, высказывала критическое замечание” (А. Мазон)⁷³. Ее современники вспоминали также исключительные человеческие качества, доброту и отзывчивость Надежды Осеевны.

Вторая мировая война и поражение в ней Франции лишили Н.О. Щупак работы в университете. Осенью 1940 г. на основании антисемейских законов правительства Виши она была изгнана из Сорбонны. Для нее это было жестоким ударом, с этого времени единственным источником существования оставались лишь частные переводы и редаKTура, но она не оставляла работы над индийской историей. В конце 1940 г. Н.О. Щупак вынуждена была официально зарегистрироваться как еврейка во французской полиции. В воспоминаниях знавших ее людей неоднократно звучит мотив, что бомбы и смерть по всей вероятности спасли ее от гибели в нацистском концлагере.

Надежда Осеевна Щупак умерла 30 ноября 1941 г. в парижской клинике после операции. Последние дни ее жизни описаны в воспоминаниях Л. Герценштейна, Ж. и Э. Марузо и других друзей, не оставивших ее до конца⁷⁴. Тогда еще существовала связь между Францией и Америкой, и в органе русских меньшевиков, выходившем в Нью-Йорке, появился краткий некролог: «30 ноября 1941 г. в Париже после тяжелой операции скончалась Надежда Евсеевна Щупак, старый член Бунда и РСДРП. Надежда Евсеевна, тогда еще Надя Штейнберг, вступила в движение в своем родном городе Вильно совсем молодой девушкой. Она продолжала свою революционную деятельность в Петербурге в студенческих и рабочих кружках. В 1907 г. она вместе со своим мужем, нашим старым товарищем

“Владимиром” эмигрировала в Париж, где и осталась до конца своей жизни. В Париже Н.Е. ушла в науку, отдавшись целиком своей любимой санскритологии. Но тем не менее она идейно осталась в наших рядах и никогда не отказывала в содействии и помощи. Память об этом чистом и талантливом человеке останется в сердцах тех, кому с ней пришлось иметь дело. З[аграничная] Д[елегация РСФСР] послала телеграмму соболезнования мужу покойной»⁷⁵.

Брат Надежды Осеевны узнал о ее смерти только после освобождения Франции от оккупации. 7 апреля 1945 г. М.О. Штейнберг записал в дневнике: “Утром получил телеграмму из Парижа от некоего Leon Hertzstein; из нее узнал, что уже три с половиной года как нет моей дорогой любимой сестрички. Надя умерла 30 ноября 1941 г. после операции фибромы. С[амуила] Д[авидовича] в 1941 г. отправили в Германию; известий нет, конечно, его убили. Тогда все еще теплилась надежда, что Надя жива, перенесла ужасы войны и оккупации. Теперь все рухнуло, остается лишь думать, что смерть, может быть, избавила ее от худших страданий”⁷⁶. Оказавшись через два с половиной месяца в командировке в Москве М.О. Штейнберг решил сообщить о смерти сестры человеку, который был ей так дорог. 22 июня 1945 г. он записал: “После завтрака отправился к Гарле (...) Он уже знает о смерти Нади от присланного Camille Bloch. Просидел у него около часу”⁷⁷. Проф. Камилл Блок приезжал тогда в Москву на празднование 220-летнего юбилея Академии Наук СССР.

В советской печати о Н.О. Щупак впервые было рассказано в воспоминаниях о гитлеровской оккупации Парижа эсера-эмигранта В.В. Сухомлина, вернувшегося в 50-е годы в СССР: “Погиб в лагере смерти и мой старый товарищ С.Д. Щупак. Я был много лет знаком с ним и с его женой Надеждой Осеевной, но к стыду своему, до сих пор не знал, что эта милая и скромная женщина – выдающийся ученый санскритолог, что ее труды печатаются во французских научных журналах, что она воспитала целое поколение молодых исследователей (...) Во время оккупации она вернулась из южной зоны в Париж к началу занятий, но была изгнана из университета на основании антиеврейских законов и скончалась 30 ноября 1941 г., к счастью, до того, как начали работать газовые камеры (...) Став крупным французским ученым, Н.О. Щупак оставалась глубоко русской по своим взглядам, по своему образу жизни, по всему своему духовному облику. И, может быть, именно поэтому ее коллеги – французские профессора и ее ученики – французские студенты не только высоко ценили, но и любили эту выдающуюся представительницу старой русской интеллигенции”⁷⁸.

К этой прекрасной характеристике можно прибавить только то, что Надежда Осеевна Щупак была человеком исключительных ду

качеств даже по меркам старой русской интеллигенции. В своем же мировоззрении и духовной структуре она несомненно принадлежала к лучшим представителям русской и европейской левой гуманистической интеллигенции XX в.

Возвращенная в 1945 г. друзьями Н.О. Щупак крошечным тиражом брошюшка "Nadine Stchoupak. 1886–1941. In memoriam" (P., 1945. 40 p.) отсутствует в оригинале даже в Парижской Национальной библиотеке.

Энциклопедия. СПб. Т. XVI. Стб. 97–98. Ряд сведений похищен из "Формулярного списка о службе" О.Н. Штейнберга, сохранившегося в архиве его сына: Кабинет рукописей Российского института истории искусств. (Далее: РИИИ.) Ф. 28. Д. 1204. 14 л.

О нем: *Римский-Корсаков А.Н.* Максимилиан Штейнберг. М., 1928.

С. 1–10; *Гнесин М.Ф.* Максимилиан Штейнберг // Советская музыка. 1946.

№ 1. С. 29–36; Из записных книжек М.О. Штейнберга 1919–1929 гг. /

Публ. О.Л. Данскер // Из фондов Кабинета рукописей Российского Ин-

ститута истории искусств. СПб., 1998. С. 88–131; *Данскер О.Л.* Шостакович

в дневниках М.О. Штейнберга // Шостакович. Между вечностью и

основанием. СПб., 2000. С. 83–148.

Воссей вероятности, Б. Асафьев имел в виду Штейнберга, когда писал о

музыкальном академизме, превратившем хороший учебник гармо-

ники в "символ веры"». См.: *Асафьев Б.В.* Книга о Стравинском. Л., 1977.

с. 10.

Арачковский И.Ю. Из воспоминаний гимназического товарища

М.О. Штейнберга (1947) // СПб. фил. Архива РАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 317.

1–11

Karl V. An Unknown Correspondent of Andrey Bely // Slavonic and East

European Review. 1971. Vol. 49, N 116. P. 451. Н.Н. Крестинский

(1883–1938) – старый большевик, с 1921 г. посол СССР в Германии, с 1930

гг. нарком иностранных дел СССР, приговорен к смерти на процессе

Бухарина. Д.И. Заславский (1880–1965) – до революции меньшевик и бун-

товец, с 20-х годов журналист "Правды", участник многих идеологичес-

ких кампаний.

Личное дело Н.О. Штейнберг-Щупак в архиве Бестужевских курсов не сохранилось.

Львова-Эрлих С.С. Хлеб и маца. СПб., 1994. С. 140.

Stchoupak N. Le complement du nom dans la Catapatha Brahmana. P., 1918.

48 p. (Mémoires de la Société linguistique de Paris. T. 31).

Correspondances orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887–1935) / Par

т. Bongard-Levin, R. Lardinois, A. Vigasin. P., 2002. P. 216.

Ситир Б. Послесловие // Ю.О. Мартов. Письма 1916–1922. Benson;

Vermont, 1990. С. 307.

Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 135.

Kautsky Karl. Terrorisme et communisme / Trad. par N. Stchoupak. P., s.a.

[1921]; *Luxemburg Rosa.* Lettres à Karl et Louise Kautsky / Trad. par

N. Stchoupak. P., 1925.

- 14 Sapir B. An unknown correspondent of Andrey Bely. P. 451–452.
- 15 Бельый А., Иванов-Разумник Р.В. Переписка. СПб., 1998. С. 271.
- 16 Nadine Stchoupak. 1886–1941. In memoriam. P., 1945. P. 8.
- 17 Stchoupak N. Les Décembristes de Russie (1825) // Europe. 1925. N 1. P. 453–469.
- 18 Ibid. P. 11–12.
- 19 Dictionnaire sanskrit-français / Par N. Stchoupak, L. Nitti et L. Renou. P. 189–900 p. (Nouv. éd. 1959, 1972); Stchoupak N. Chrestomatie sanskrite. P., 1948. P. 189–900 p.
- 20 Bhavabhuti. Uttararamacarita. La dernière aventure de Rama. Drame de Bhavabhuti / Trad. par N. Stchoupak. P., 1935. LXXII, 170 p.
- 21 Nadine Stchoupak. 1886–1941. P. 13.
- 22 La Kavyamimamsa de Rajasekhara / Trad. par N. Stchoupak et L. Renou. P., 1946. 286 p.
- 23 Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 129. Подробнее см.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков (1879–1956). СПб., 1995. С. 51–54.
- 24 Там же. Л. 32.
- 25 См.: Cogespondances orientalistes... P. 7–169.
- 26 Кабинет рукописей РИИИ. Ф. 28. Д. 1105. Л. 54–55.
- 27 Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 147. Л. 118.
- 28 Стравинский И.Ф. Диалоги. Л., 1971. С. 39–40.
- 29 См. предисловие в кн.: Tarle E. Le blocus continental et le Royaume d'Italie. La situation économique de l'Italie sous Napoleon I. P.: F. Alcan, 1928. P. 1–10.
- 30 См. прежде всего: Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Вступ. ст. Б.В. Акулиничя, В.М. Панеяха и А.Н. Цамутали. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2. Предисловие и комментарий к Тарле см. также: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 38–45.
- 31 Mathiez A. Choses de la Russie Soviétique // Annales Historiques de la Révolution Française. 1931. N 44. P. 149–158; Полемика А. Матъеза с советскими историками (1930–1931 гг.) / Предисл. В.А. Дунаевского // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 199–211.
- 32 Ibid. P. 158.
- 33 Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 139, 140.
- 34 Там же. Д. 139. Л. 5.
- 35 Там же. Д. 140. Л. 45.
- 36 Там же. Д. 139. Л. 35.
- 37 Там же. Д. 140. Л. 45.
- 38 Там же. Л. 35.
- 39 Там же. Л. 2–3.
- 40 Там же. Д. 139. Л. 44–45.
- 41 Там же. Л. 51.
- 42 Там же. Л. 4–5.
- 43 Там же. Л. 27.
- 44 Там же. Л. 23. Пьер Ренувен (1893–1974), потерявший руку на фронте, Жорж Буржен (1879–1956) – известные французские историки.
- 45 Там же. Л. 26.
- 46 Там же. Л. 17.

- ♦ Л. 27.
- ♦ Д. 140. Л. 2.
- ♦ Д. 139. Л. 8.
- ♦ Д. 140. Л. 18.
- ♦ Л. 46.
- ♦ Л. 60.
- Письмо сообщению автору проф. А.С. Кана, работавшего в Осло в архиве Х. Кура. Подробнее см.: *Каганович Б.С.* К истории возвращения В.В. Гарле из алмаатинской ссылки (1931–1932 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв.: Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 101–111.
- Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 38–39.
- Correspondance entre Romain Rolland et Maxime Gorki. 1916–1936 / Préf. et notes de J. Perus. P., 1991. P. 232.
- Ibid. P. 267.
- Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 140. Л. 37.
- Горький М., Роллан Р.* Переписка. 1916–1936. М., 1996. С. 230.
- Санчикек – уменьшительное от Санс (санскритолог), так Гарле в письмах к нему всегда именовал Н.О. Щупак.
- ♦ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 154. Л. 96. Via Rom. – “через Ром[ена Роллана]” (фр.)
- Недатырованное письмо от ноября–декабря 1932 г. Там же. Л. 29–30.
- Там же. Д. 157. Л. 11. Перевод: “Она начала, она все сделала и продолжала, и отныне нет ничего невозможного: она хочет моего полного восстановления (...) Следы ее усилий ощущаются здесь постоянно и во всем ... Она сдвигает горы” (фр.).
- Там же. Д. 154. Л. 33.
- Там же. Л. 28 об. Упоминается Серафима Васильевна Пантелеева, жена редактора и общественного деятеля Л.Ф. Пантелеева.
- Там же. Д. 140. Л. 55.
- Там же. Л. 60.
- ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 27. Ср.: *Есаков В.Д.* Три письма В.В. Гарле вождям // Отечественная история. 1999. № 6. С. 108–109.
- Sylvain Levi. 1863–1935. P.: Institut de civilisation indienne, 1935. P. 17–24; L'oeuvre complète de Sylvain Levi / Bibliographie par M. Maschino. Index par N. Stchoupak // Bibliographie Bouddhique. VII–VIII. P., 1937. P. 1–66.
- ГНИИ. Ф. 28. Д. 1109. Л. 14.
- Там же. Ф. 8. Разд. 7. Д. 628. Л. 7.
- Там же. Л. 20.
- Там же. Л. 13.
- Nadine Stchoupak. 1886–1941. P. 15, 12, 8.
- Ibid. P. 27–31, 37–39.
- Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1942. № 1(488). С. 16.
- ГНИИ. Ф. 28. Д. 1117. Л. 48.
- Там же. Л. 60.
- Сухомлин В.В.* Гитлеровцы в Париже // Новый мир. 1965. № 11. С. 142. В журнальном тексте искажена фамилия Н.О. Щупак: она всюду воспроизводится как “Шупак”.